

ЭТО НЕ СТАТЬЯ, не исследование, не литературоведческий опус. О Пушкине написано страниц в сотни раз больше, нежели он написал сам. Просто это некоторые (далеко не все) из моих ощущений, возникших в разное время при чтении Пушкина. Однажды я задумался: если бы убрать, изъять из моей жизни Пушкина, начиная с первых прочтанных, с первых заученных наизусть стихотворений и продолжая постоянным чтением его на протяжении всей жизни, постоянным ощущением его присутствия в моем сознании (и в душе, разумеется), я бы уже был не я. Трудно вообразить, какими мы все были бы, не имея Пушкина, но какими-нибудь не такими. А ведь это касается не только меня и не только моих современников, но многих поколений людей, то есть, в сущности, целого народа. Да, отними у меня Пушкина — и я уже буду не я. Отними у народа Пушкина — и он уже будет не тот.

...Мы говорим о влиянии огромного национального поэта, писателя на формирование сознания народа, его духовных качеств, что же говорить о влиянии его на литературный процесс! Тут не только внешние факты. Ну да, подкасал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ»; Толстой признавался, что при чтении пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу...» у него мелькнул, то есть зародился, замысел «Анны Карениной»; подражания юного Лермонтова Пушкину общеизвестны. Один великий поэт как бы на ходу, на бегу перенимал эстафетную палочку русской поэзии у предшественника. Один литературовед остроумно и тонко предположил, что на-

В.А. СОЛОУХИН

ЛЮБЕЗЕН НАРОДУ

звание своего главного романа Толстой взял из следующих строк пушкинского «Бориса Годунова»:

«В часы свободных от подвиги духовных
Описывая не мудрствуя лукаво
Все то, чему свидетелем в жизни будешь:
Вою и мир».

Но как проследить, как оценить влияние Пушкина (помимо этих внешних и, я бы даже сказал, частных случаев) вообще на русскую поэзию, на литературу после него, влияние не очевидное, не бросающееся в глаза, но, конечно, несомненное? Ведь даже те, кто требовал потом сорбиста Пушкина с корабля современности, не были бы без Пушкина, я убежден, теми, кем они были.

...Когда фамилия становится именем, оно начинает обладать некоей магией, так что мы уже не думаем о фамилии. Разве мы когда-нибудь вспоминали, что Толстой (настойчивая уродина) все же не более, чем «толстый»? Разве когда-нибудь мы задумывались, что фамилия нашего великого поэта и прозаика происходит от будничной пушки, из которой палат во время сражений? Блок говорил даже: «...всеслово: Пушкин». Так что же все-таки в пушкинской пушке? Оно — дополнение — не просто всеслово, оно светлое, скорбное, грустное, яркое, утонченно-изысканное, простое, народное, мудрое, романтическое, великое, оно — Пушкин.

Сергей Михайлович Бонди, тонкий и проникновенный пушкинист, у нас в Литературном институте на лекции воскликнул: «Пушкин... Пушкин... Пушкин — это религия!»

Лермонтов от природы и в глубине души был светлым и добрым человеком. Однако в юности у него были наболевшие, так сказать, благоприобретенные сарказм, жестокость, демонизм, презрение, злая насмешка, просто злость. С возрастом все это ухоронилось, осыпалось, как шелуха, а доброта проявилась все больше и больше.

Пушкин был добр и весел с самого начала, с самых ранних юношеских, если не детских стихотворений. Возьмем одну из эпиграмм, полисьваемых Лермонтовым: «Три графини считались в древнем мире, родились вы... все три, а нечетные!» Пушкин никогда бы не позволил такой эпиграмме обидеть не смог. Аракчеева? Каченовского, Булгарина — пожалуйста! Но женщинам... Вероятно, он мог бы написать: «Родились вы, и стало их — четыре».

Кроме восхищения и чувства благодарности по отношению к женщине, мы ничего у Пушкина не найдем.

...Есть у двух гениальных поэтов два гениальных стихотворения с одним и тем же названием — «Пророк». Они, как ничто другое, выражают разницу в характере и мировоззрении двух поэтов. «Посыпал пеплом я главу, из городов бежал я нищий...» То есть — от людей, так говорит один. «...И, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей». То есть — к людям, так утверждает Пушкин.

...Прозу Пушкина я лично люблю несколько не меньше его стихов. «Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Путешествие в Арзрум». Наслаждаешься самим процессом чтения, ибо все давно уже знаешь едва ли не наизусть. Но что приводит в истинный восторг, так это лаконизм пушкинской прозы. Так и видно, что писатель заботится не о количестве страниц, а только о выразительности. Так и видно, что писателю платили тогда не за объем рукописи, а за произведение как таковое. «Дубровский». Страшно подумать: сто страниц в книге маленького формата. «Капитанская дочка» — 68 страниц. А сколько там всего! Какая насыщенность сообщениями, чувствами, психологией, характерами... Я думаю, у среднего (считающегося хорошим) современного писателя и «Дубровский», и «Капитанская дочка» превратились бы в пухляк, тяжелые «жирлики» по пятьсот — шестьсот страниц каждая книга.

...Литератор (профессионал) должен работать разнообразно и широко. Большой талант не может быть узким пучком све-

та, он светит ярко, щедро, освещая вокруг себя все предметы. Смешно представить себе (скажем) красноречивца, который умеет делать стулья, но не может сделать рамы для зеркала, стола, секретера, книжного шкафа и т. д. и т. п.

Нельзя преувеличивать способности литератора, писавшего пусть и хорошую книгу, если эти способности больше, чем и ни в чем не проявляются: в статьях, в реках, в полемических заметках, во всем его литературно-профессиональном поведении. И вот — Пушкин. Стихи, поэмы, эпиграммы, альбомные записки, драматические произведения, романы, повести, путевые записки, исторические исследования, критические статьи, заметки на полях (на книге Батюшкова), переводы с других языков, дневник, письма и, наконец, чудо нашей литературы — «Евгений Онегин». Да еще ко всему этому и рисунки.

...Впрочем, надо сказать, что сама жизнь Пушкина с особенным происхождением по материнской линии от Ганнибалов, с лицейской юностью, с друзьями (Жуковский, Карамзин, Дельвиг и т. д.), с ранним литературным успехом и ранними ссылками, с путешествием в Арзрум, с Ариной Родионовной, с его любимыми женщинами, с женитьбой на первой красавице России и, наконец, с трагическим концом, надо сказать, что сама жизнь Пушкина есть уже как бы законченное художественное произведение, если избежать пошлого слова «роман». Если бы писатель роман об этом человеке, не нужно было ничего ни прибавлять, ни убавлять, ни строить, ни соразмерять, остроконфликтно, романтично, по-красному, ярко, мудро и трагично.

...В связи с этим неизбежно возникает вопрос о предшественнике гениального поэта. С одной стороны, как мы уже заметили, в его жизни — почти художественная цельность, насыщенность, яркость и чуть ли не завершенность, а с другой стороны, все мы понимаем, что 37 лет — это не возраст и что Пушкин погиб в расцвете своих творческих сил. Усталость, издерганность, стрессовое, состояние прошли бы со временем, и жизнь полилась бы более спокойной, плодотворной и плодотворной рекой.

И все же надо вернуться к первой мысли, что Пушкин за свою короткую жизнь успел так много, что жизнь его вос-

ПУШКИН ПОСВЯЩАЕТСЯ

принимается как полноценная, вполне состоявшаяся жизнь. Нельзя не удивляться, чтобы не выплыть одну фразу — из Андрея Платонова, написанную им при размышлении о Пушкине: «...Краткая, обычная человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслимых дел и для полного наслаждения всеми страстями. А кто не успевает, тот не успеет никогда, если даже станет бессмертным».

...Пушкин был рожден в самом глубоком и всеобъемлющем значении этого слова. Народ (если не путать его с населением той или иной страны) есть единый, общественный, исторический, духовный организм, и пример Пушкина это как нельзя лучше доказывает, и в этом еще одно непреходящее значение нашего великого поэта.

Да, конечно, древний дворянский род и Александр Сергеевич давали, случалось, гордиться этим. Знание с детства нескольких языков, блестящее воспитание, изысканные манеры, аристократический образ жизни, понятие о чести... Но так же точные и четкие понятия об исторической судьбе целого народа (а не одной лишь аристократической верхушки), о сознании себя частью единого целого, о неотъемлемости себя от этого целого. В живом организме у разных его составных частей разные формулы. Левая рука делает одно, правая рука (подчас) делает другое, глаза смотрят, губы улыбаются, уши слышат, ноги шагают, голова думает. Но сердце у многоликого организма — одно. Точно так же и у народа — одна душа, одна поэзия, одна песня, одна судьба. Пушкин воспринимал народную песню, сказку, родной язык как личное, как свое, народ тотчас запел: «Буря мглою небо кроет...» (равно как перомовские «Трастники», «Парус», «Борис Годунов»). Пушкин был выразителем народной души, а вовсе не какой-то одной группы, прослойки или верхушки. Тем Пушкин и сейчас способен и содействует единению народа, самосознанию народа, всему тому, без чего народ не может существовать как народ. Поэт и сам сказал про себя: «И долго буду тем любезен я народу...» Народу, и только ему.

Пушкин — поэт всех народов.

1. Объединяющее значение Пушкина для русской нации. Центровые силы русской истории XIX—XX вв. Примирение на Пушкине. 2. В Пушкине — и поэзия, и проза. Что выше? Истинная проза всегда поэтична, серьезная поэзия всегда прозаична (в смысле связи с жизнью, наполненностью жизнью). Наиболее яркий — новаторский — пример тому Твардовский.

3. Пушкин — поэт всех возрастов, всех поколений, всех народов.

Особая, объединяющая роль Пушкина в жизни нашей страны.

4. Размещение литературы на границе, на крутизне, на течении. Аксиомизм, имажинизм, вышедшая череполом... Как все это мелко, когда мы вспоминаем о Пушкине!

Единственный враг Пушкина — косность, догматизм.

И нечестные Пушкинисты слова: «Да зареветь разум!.. Да скроется тьма!» — и на нашем знамени.

5. Пушкин — консолидатор, великий объединитель.

Пушкин — человек, в котором объединялось все лучшее из передовой мысли России.

Западничество и славянофильство... В Пушкине это жили неразрывно, единое.

Пушкин стал сердцевинкой нашего патристического воспитания. И это нашло свое выражение даже в типе школьных характеристик... В учебниках Ушинского, Толстого... в советских учебниках 30-х годов.

Правда, экстремисты делали попытки потопить в нашем сознании Пушкина. Был, скажем, лозунг — сбросить Пушкина с корабля современности.

К сожалению, Пушкин оказался потенциально и в современных хрестоматиях. Все можно потеснить, но только не Пушкина. Потеснить Пушкина — значит потеснить в наш сознание Россию.

Пушкин — душа и ум России. По Пушкину мы делаем русскими, сынами и гражданами своего Отечества.

Этой всеобъемлющей силой не обладал и не обладает ни один писатель. А потому место Пушкина в нашем сердце, в нашей душе исключительно.

В истории умственной, духовной жизни нации исключительное...

Пушкин принимал все истинно человеческое. Ему чужд был дух какого-либо сектантства. Он не любил лишь косность. И нам завещал любовь и ненависть — это тоже важнейший завет, важнейший урок Пушкина.

В Пушкине объединились разные жанры русской литературы. Поэзия и проза. В наши дни противопоставляемые... Два сестры — не сестры, две стороны литературы.

1. III. 1978

Пушкин — воспитатель наших сердец. Но он и объединитель этих сердец.

Пушкину глубоко было чужд всякий групповой дух.

Западничество и славянофильство. Эти два ведущих направления в истории общественной мысли XIX века, а может быть, и XX века, направленные, отмеченные групповой возней и распри, идущими часто во вред развитию русской культуры, в его личности, в его поэзии были слиты воедино. И не это ли один из главных уроков?

Конечно, развитие идет через борьбу, через выявление противоречий. Но, вероятно, еще большая сила заключена в слиянии потоков.

Не будем забывать и другое: река, разлившаяся на отдельные ручьи и потоки, хиреет. И наоборот, Волга потому и великая русская река, что она вбирает в себя наиболее древние истоки. Пушкин — Волга.

4. III. 1978

Пушкин — школа высшего искусства художественного слова. Ясность, краткость и простота.

У Пушкина учились все: Толстой, Чехов, Тургенев.

19. III. 1978

Пушкин — гармонизированный гений. Но в литературе. А в жизни он оставался русским, в котором бушевали полярные начала. И не это ли явилось причиной его гибели?

В глубинном смысле никто не подхватил Пушкина. Все русские писатели развивали отдельные линии его творчества. И сегодня Россия, как никогда, тоскует по гению пушкинского типа, по писателю, в котором усмирены и утихомирены полярные страсти национального характера.

И появление такого писателя будет началом нового поворота в русской истории, когда будущего страсти в русском человеке войдут в спокойное и плодотворное русло без разрушительных наводнений и землетрясений.

24. III. 1978

Пушкин сыграл особую роль в жизни русской нации.

Он противостоял разрушительным центробежным тенденциям, которые разрывали живое тело России. Он — добровольно и с радостью принимавшая каждый объединяющий сила нации. И только ли нация? Значение его в условиях нашего многонационального государства шире.

Ему было суждено стать той духовной основой, которая объединяет народы.

И не случайно его заветное когда народы в единую семью соединяется.

<Без даты>

У Пушкина петербургская фраза. Отчасти та же архитектура у Чехова. А вот у Гоголя, у Толстого, у Достоевского фраза московская.

Из письма в редакцию

Как старинный раритет пушкинских мест Москвы — район на Харитоньевских и Козловских переулках у Красных ворот — я хочу обратиться с предложением сообща подумать и позаботиться об увековечении имени Пушкина в той части нашей столицы, где он жил в детстве.

Здесь есть памятники Лермонтову, Грибоедову, Некрасову, но нет ничего, что бы напоминало о детстве Пушкина, о том, что об этом месте оставил и стихи, и заметки в автобиографических набросках.

Наверное, «легло» бы от-

«Мой бог — Пушкин, — говорил Федор Абрамов. — Мой Пушкин — это опекунский Пушкин, который пророчески, с великим и гордым раздумьем смотрит в очи России. В нем все начало и, кажется, все кончилось».

О личности и творчестве Пушкина Федор Александрович думал постоянно. И, разумеется, он стремился увидеть все памятные пушкинские места. Не раз бывал в царскосельских парках, в Лицее, в последней пушкинской

квартире на Мойке, дважды посетил Пушкинские Горы. Впервые Федор Абрамов побывал в Михайловском еще в начале 50-х годов. Потом, он сказал тогда: «В природе Михайловского и его окрестностях отражена как бы вся Россия».

Во время второй поездки, в июне 1981 года, Федор Александрович сделал немало заметок в записной книжке.

«Дорога из Тригорского в Михайловское, по которой ездил Пушкин, самая святая из всех дорог. Даже дорожка и святее дорог детства. Потому что дух этого русского поэта, дорога русской души <...> Самое истинное, самое пушкинское в заповеднике — природа».

«Дух Пушкина разлит в окрестностях, в природе. В Михайловском лучше, чем где-либо, растут цветы, травы от любви, которую приносит туда люди. К Пушкину приходят люди с трепетом в душе, люди чистые <...> и с ними легко и даже больше: они дают силы для жизни, для работы».

Итоговая запись 11 июня: «Наконец-то исполнил священный долг — побывал в Михайловском. Неделю были в святой земле... Но сколько впечатлений, сколько радости! Еще бы — в поэтической

Впрочем, у некоторых писателей оба начала совмещаются. Например, у Тургенева.

17. X. 1980

ОСКВА... как много в этом звуке для сердца русского... Москва для меня, приезжающего из провинции, — это дела, издательства, боготы, театры, встречи... Каждый раз новое. Но каждый раз — это Пушкин. Всегда, в любую погоду... И всегда цветы. Не казенные...

Великий памятник. Россия и Пушкин.

И так случилось, что вся история — это прежде всего Пушкин и Россия.

Ушли многие-много таланты. А Пушкин... тут, у истоков.

1. Пушкин умер... Но его гений? Его гений, его роль в жизни последующих поколений все возрастали и возрастали...

Он становился объемнее, гениальнее. Возрастал его интеллект, возрастала художническая мысль. Возрастал удельный вес в культуре народа...

2. Можно позавидовать современникам Пушкина, имевшим счастье знать его лично.

3. Пушкин — поэт всех возрастов, всех поколений, всех народов.

Общаясь с ним, слушая его стихи, экспромты. И все-таки они знали Пушкина меньше, чем мы.

Ибо что такое Пушкин? Пушкин — это прежде всего его поэзия...

Но что касается его поэзии, его интеллектуального и художественного багажа... Тут должны современники завидовать потомкам.

И это закон искусства: подлинность ценности его раскрываются во времени...

И надо, чтобы прошел не один десяток лет, чтобы гений писателя и поэта, художника развернулся во всю силу и мощь.

Парадокс: человек умирает, а гений его продолжает расти, углубляться, набирать силу...

3. Еще одна закономерность искусства: для постижения гения во всей его глубине и безмерной шире нужно не только время. Нужно вырасти человеку, народу, пройти через все муки и испытания...

Может ли быть духовный опыт, равный нашему? И случайно ли, что именно в наше время в Пушкине мы усмотрели такие глубины? Нужно было пройти через испытания, через реки и моря крови, через битвы, нужно было понять, как хрупка жизнь, понять всю красоту и возможность человека, чтобы понять самого удивительного, самого духовного богатства, гармоничного, разностороннего человека, каким был Пушкин.

Гений — это нация в одном человеке. И таким человеком был Пушкин. Самый удивительный, самый гениальный человек, который родился на Руси.

4. В Пушкине впервые в нашей литературе совместились два потока: интеллигентный и народный.

Глазами Пушкина мы смотрим на мир, по-пушкински чувствуем, по-пушкински мыслим. Пушкин — отец наших душ.

Влияние Пушкина возрастает с каждым последующим поколением.

Пушкин определил главный тип поэта на Руси — поэта-гражданина. Пушкин — государственный. Особый дар государственного мышления. Всемерно сочувствуя декабристам, первый определил их слабость.

Пушкин остался в сознании

Мекке России побывал... Дорозой (после большого перерыва) читал стихи Пушкина. Какая свежесть, какая всеобщность слова...

Выступая в апреле на VII съезде писателей СССР, Федор Абрамов подчеркнул: «Классики, классики. И Пушкин, Пушкин — отец наших душ. Это должно быть неизменной основой всех школьных хрестоматий. Как хлеб, как воздух, как вода. Ведь именно классики — связующая духовная нить разных поколений».

Сегодняшнюю подборку открывают записи-размышления, относящиеся к 1978 году.

Весной 1983 года Федор Абрамов начал работать над статьями о Пушкине для «Литературной газеты». Закончить ее он не успел. Остались заметки, наброски, но и они передают глубину его познаний Пушкина, о Пушкине и истории, о народности, мудрости, государственности мышления Пушкина, о заветах Пушкина потомкам.

Федор Абрамов не раз возвращается здесь к уже высказанным мыслям, к найденным ранее формулам, но не для того, чтобы просто повторить их, а чтобы прояснить, развить, обогатить новым содержанием.

И разве все последующие богатства русской литературы — не этим отличаются? Вплоть до Твардовского.

15. IV. 1983

Пушкин. Поэт-государственник.

Пушкин велик не только своими произведениями, которые закончили формирование русского национального характера, а также, еще и сегодня не выделенного.

Пушкин задал направление всей русской поэзии, сердцевиной которого является государственность (даже не национальность), или, иными словами, патриотизм в высшей форме его проявления.

Не чистая поэзия, не уход

Федор АБРАМОВ

ОТЕЦ НАШИХ ДУШ

ЗАМЕТКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

в башню из слоновой кости, а разговор обо всем с позиций интересов государства, нации, нет, государства (и калмыки).

И этого направления придерживались все великие поэты вплоть до Твардовского («За далью — даль»).

«За далью — даль» по своему пафосу очень близка к «Медному всаднику» с его прославлением дела Петра. Пушкин завещал нашим поэтам быть государственниками.

Масштабность.

Иди, когда его называли «чистым поэтом».

Братство русское, братство всемирно-историческое.

17. IV. 1983

Пушкин хорош во все времена года, в любую погоду. В стужу. Окечеловил все. А он — жаркой кровью.

Гениальный памятник. Больше ростом реального Пушкина. Величан. Но кто против?

16. V. 1983

Последние записи о Пушкине. Федор Абрамов сделал в башне в мае 1983 г. Фундаментально за несколько дней до операции. Он читал книгу Ю. М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» (Л. 1982) и на последних чистых страницах, на последней странице, давали карандашом, скорописью, которую с трудом можно разобрать, делал заметки, вызванные этой книгой, данными размышлениями о поэте и тем тревожным состоянием, в котором он был перед операцией.

Кто любимый писатель? Все. Но особое место среди них — Пушкин. Не говоря о том, что он создатель современного литературного языка, что от него пошла вся современная литература, он, наряду с матерью, первым воспитателем каждого человека, начиная с детства.

Глазами Пушкина мы смотрим на мир, по-пушкински чувствуем, по-пушкински мыслим. Пушкин — отец наших душ.

Влияние Пушкина возрастает с каждым последующим поколением.

Пушкин определил главный тип поэта на Руси — поэта-гражданина. Пушкин — государственный. Особый дар государственного мышления. Всемерно сочувствуя декабристам, первый определил их слабость.

Пушкин остался в сознании

Мекке России побывал... Дорозой (после большого перерыва) читал стихи Пушкина. Какая свежесть, какая всеобщность слова...

Выступая в апреле на VII съезде писателей СССР, Федор Абрамов подчеркнул: «Классики, классики. И Пушкин, Пушкин — отец наших душ. Это должно быть неизменной основой всех школьных хрестоматий. Как хлеб, как воздух, как вода. Ведь именно классики — связующая духовная нить разных поколений».

Сегодняшнюю подборку открывают записи-размышления, относящиеся к 1978 году.

Весной 1983 года Федор Абрамов начал работать над статьями о Пушкине для «Литературной газеты». Закончить ее он не успел. Остались заметки, наброски, но и они передают глубину его познаний Пушкина, о Пушкине и истории, о народности, мудрости, государственности мышления Пушкина, о заветах Пушкина потомкам.

Федор Абрамов не раз возвращается здесь к уже высказанным мыслям, к найденным ранее формулам, но не для того, чтобы просто повторить их, а чтобы прояснить, развить, обогатить новым содержанием.

И разве все последующие богатства русской литературы — не этим отличаются? Вплоть до Твардовского.

15. IV. 1983

Пушкин. Поэт-государственник.

Пушкин велик не только своими произведениями, которые закончили формирование русского национального характера, а также, еще и сегодня не выделенного.

Пушкин задал направление всей русской поэзии, сердцевиной которого является государственность (даже не национальность), или, иными словами, патриотизм в высшей форме его проявления.

Не чистая поэзия, не уход

Федор АБРАМОВ

ОТЕЦ НАШИХ ДУШ

ЗАМЕТКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

в башню из слоновой кости, а разговор обо всем с позиций интересов государства, нации, нет, государства (и калмыки).

И этого направления придерживались все великие поэты вплоть до Твардовского («За далью — даль»).

«За далью — даль» по своему пафосу очень близка к «Медному всаднику» с его прославлением дела Петра. Пушкин завещал нашим поэтам быть государственниками.

Масштабность.

Иди, когда его называли «чистым поэтом».

Братство русское, братство всемирно-историческое.

17. IV. 1983

Пушкин хорош во все времена года, в любую погоду. В стужу. Окечеловил все. А он — жаркой кровью.

Гениальный памятник. Больше ростом реального Пушкина. Величан. Но кто против?

16. V. 1983

Последние записи о Пушкине. Федор Абрамов сделал в башне в мае 1983 г. Фундаментально за несколько дней до операции. Он читал книгу Ю. М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» (Л. 1982) и на последних чистых страницах, на последней странице, давали карандашом, скорописью, которую с трудом можно разобрать, делал заметки, вызванные этой книгой, данными размышлениями о поэте и тем тревожным состоянием, в котором он был перед операцией.

Кто любимый писатель? Все. Но особое место среди них — Пушкин. Не говоря о том, что он создатель современного литературного языка, что от него пошла вся современная литература, он, наряду с матерью, первым воспитателем каждого человека, начиная с детства.

Глазами Пушкина мы смотрим на мир, по-пушкински чувствуем, по-пушкински мыслим. Пушкин — отец наших душ.

Влияние Пушкина возрастает с каждым последующим поколением.

Пушкин определил главный тип поэта на Руси — поэта-гражданина. Пушкин — государственный. Особый дар государственного мышления. Всемерно сочувствуя декабристам, первый определил их слабость.

Пушкин остался в сознании

Федор АБРАМОВ